Спокойное утро Барнабаса Каффе, главного редактора "Ежедневного пророка", было нарушено появлением Ребекки Аморин, редактора по безопасности, с листком пергамента в руках.— Бекки, — приветствовал ее Барнабас с ухмылкой, поднимая голову. Он знал, что ее раздражает, когда его так называют, и не мог удержаться от этой маленькой шалости. — Что привело тебя ко мне сегодня?Ребекка смерила его взглядом, желая, чтобы он забирал свое прозвище обратно, и вздохнула.— Гризель, — сказала она.Нахмурился и Барнабас.— Гризель Хурц? — уточнил он. Гризель Хурц была автором колонки советов и, к тому же, каждый день проверяла его почту. — Кто-то пытался проклясть меня письмом?— Нет, — покачала головой Бекки. — Но есть письмо, адресованное только тебе.— И?— Оно от одного из наших читателей.Это было что-то новенькое. Барнабас поднял бровь и протянул руку за письмом. Бекки, разминая пальцы, передала ему письмо.— Ты прочитала его? — спросил Барнабас.— Да, — кивнула молодая женщина. — И ты тоже должен прочитать его, Барнабас.Барнабас опустил глаза, но сделал то, что ему сказали.***Дорогой редактор,Я слежу за вашей газетой много лет, но в последнее время ваши статьи заставляют меня все больше сомневаться в серьезности вашей газеты. На протяжении многих лет вы рассказывали о волшебном мире и его событиях, но несколько месяцев назад вы внезапно изменили свой имидж. Если раньше вы говорили о фактах, то теперь, похоже, предпочитаете сплетни — а как еще может быть, чтобы серьезная газета, какой вы себя считаете, могла печатать такие противоречивые статьи?! С самого начала Тривизардного Турнира ваша газета, похоже, больше заботилась о продажах, чем о достоверности — или как еще может быть, что статьи о Гарри Поттере противоречат моим собственным наблюдениям в повседневном общении с ним?! Я студент Хогвартса и поэтому чаще общаюсь с Поттером, чем пресса. Тем не менее, я ожидал серьезных наблюдений и холодной оценки, когда речь идет о его изображении в прессе, а не ваших штампов о маленьком потерянном мальчике или лающем безумце. Должен сказать, что в мальчике, которого я видел в школе, мне трудно увидеть ни то, ни другое. Так насколько серьезны эти "факты", которые вы печатаете, на самом деле? Измените ли вы снова свое мнение, когда появится новая информация, которую вы не сможете игнорировать?! Когда мальчик начнет выступать с плакатами для министерства, вы откажетесь от "фактов", которые вы сейчас печатаете? Потому что мне кажется, что ваше мнение часто странным образом совпадает с мнением министерства на тот момент. Это и есть свобода прессы в волшебном мире: писать предпочтительные для Министерства версии событий, использовать факты, чтобы привести читателей к неверным выводам, использовать неэтичные средства для получения информации? Где же серьезная журналистика, которую я ищу?! Даже магглы способны напечатать газету, не будучи пристрастными, неточными или клеветническими. Почему же кажется, что волшебный мир не способен на это?! Это из-за страха? Из-за невежества? Или люди предпочитают засунуть голову в песок и игнорировать любые доказательства, которые не соответствуют их первоначальным убеждениям? Я осмелюсь предложить вам напечатать это письмо. Если вы этого не сделаете, я окончательно пойму, что ваша газета — не более чем упрощенный, предвзятый сплетник.Оливер Твист***— Клянусь Мерлином! — это было первое, что произнес Барнабас, прочитав письмо.— Я тоже так подумала, босс, — ответила Бекки, стиснув зубы. — Мы напечатаем его?Барнабас поднял на нее глаза, понимая, что она спрашивает из принципа. Оба они знали, что не смогут напечатать письмо — не до тех пор, пока Министерство владеет большинством их акций.— Мы не сможем, — ответил он, вздохнув.— Значит, мы объявляем себя сплетником? — с горечью в голосе сказала Бекки.— Нет, — сказал Барнабас, все еще глядя на письмо в своих руках. — Мы ничем себя не провозглашаем. Мы просто сплетники. — В его голосе тоже появились горькие нотки. — И мы останемся ею до тех пор, пока... я не знаю... — вздохнул он, потерпев поражение. — Когда я пришел в эту газету, у меня были большие мечты. Я мечтал о серьезной журналистике, которую знал от своего отца-маггла, который сам был журналистом...— Вместо этого ты получил вот это, — усмехнулась Бекки, жестом показывая на офис и газетные статьи, которые попадали в мусорную корзину только потому, что не соответствовали указаниям

Министерства.— И да, и нет, — ответил Барнабас, теперь слегка улыбаясь, хотя его улыбка была скорее гримасой, чем чем-то другим. — Когда я пришел в эту газету, мы печатали серьезные новости, — уточнил он. — Тогда почему?!— Семья Уизли была одним из основных держателей акций нашей газеты, — вздохнув, ответил Барнабас. — Им пришлось продать свои акции, когда у них внезапно возникли проблемы с деньгами. Я до сих пор не знаю, как это произошло... А после этого... в общем, сейчас нет никого, кто мог бы владеть акциями Блэков — пока Сириус Блэк не откажется от своего права наследника Блэков или не умрет. Акции Превиттов были проданы вместе с акциями Уизли и Поттеров... но до сих пор ими никто не интересовался. И даже если бы мальчик был заинтересован, он не может ничего сделать до своего совершеннолетия, а у него слишком мало акций, чтобы что-то изменить...— Значит, нет ни одного крупного игрока, кроме Министерства, — сердито заключила Бекки. — И поэтому они могут диктовать нам, что делать.— Да, моя дорогая, боюсь, ты права, — ответил Барнабас, вздохнув.— Сколько у Министерства? — с горечью спросила Бекки.— Тридцать процентов, — ответил Барнабас. — И семья Малфой, которая помогает министру, имеет еще пять.— А остальное? — спросила Бекки, и Барнабас мог слышать ее надежду. Он вздохнул.— Десять процентов у Блэков и пять у Поттеров, — ответил он. — Уизли и Преветты имели по двадцать процентов — и благодаря этому были главными игроками. Теперь эти сорок процентов принадлежат... подождите-ка... — Барнабас открыл ящик стола и достал толстую папку, просматривая ее. — А, вот оно, — сказал он. — Уизли теперь принадлежат французской части семьи Малфой, Малфоям, акции Преуэттов были разделены; десять процентов достались семье Грим, пять — Эвансам, и некоторым другим мелким акционерам, таким как Певерелл, Лонгботтом или Эмрис — не спрашивайте меня, какие именно, они все получили акции почти одновременно.— Дело в том, что ни у кого нет контрольного пакета акций, — произнес Барнабас, голос его звучал устало. — Ни у кого, кроме семьи Фламель, у которой, по слухам, есть около пяти процентов.— Вот почему Министерство может делать все, что вздумается, — заключила Бекки, ее брови нахмурились.Барнабас вздохнул и кивнул. — Значит, мы бессильны…— Да… — Бекки снова взяла письмо и печально посмотрела на него.Барнабас знал, что ее гнетет бессилие перед властью Министерства. И он разделял ее чувства. Но вдруг его губы тронула легкая улыбка.— А что, если… — начал он, и Бекки подняла на него вопросительный взгляд. — Что, если мы… "потеряем" это письмо? Например, отправившись в Оттери Сент-Кэтчпоул?Бекки уставилась на него, словно он сошел с ума. Но потом, как щелчок, до нее дошло. — Может быть, — ответила она, улыбка заиграла на ее губах. — И, может быть, я "потеряю" его сегодня за обедом.— Отлично, — кивнул Барнабас. — А теперь вернемся к работе, дорогая. И запомни, я больше не хочу видеть это письмо.— Да, босс, — ответила Бекки, прижимая письмо к груди и выходя из комнаты.Когда дверь за ней закрылась, Барнабас усмехнулся. Он знал, что потерянное письмо вызовет проблемы, но он был готов к ним. Наконец-то он мог перехитрить Министерство, пусть даже таким нестандартным способом.— "Оливер Твист", — прошептал он, усмехаясь. — Интересный выбор имени.И, словно ничего не произошло, он вернулся к своей работе.

http://tl.rulate.ru/book/93005/3062482